

— Не нужно, в этот раз тебе необязательно ехать со мной. — Матушка Ма, вечно искавшая повод увильнуть от дел, вопреки обыкновению сама вызвалась сопровождать её. Хэ Янься хоть и удивилась, расспрашивать не стала и лишь сухо отказала.

— Неужели госпожа дворца собирается в Яньчжоу в одиночку? — Матушка Ма знала, что Хэ Янься предпочитает передвигаться без свиты, и если та не берет её с собой, значит, есть причины, которые она не желает открывать другим. Но она не ожидала, что в этот раз у Хэ Янься совсем другие планы.

— В этот раз я хочу взять её с собой. — Хэ Янься опустила голову, и в её глазах затуманилась дымка.

Матушка Ма была поражена, но тут же расплылась в улыбке.

— Что ж, хорошо, хорошо... иметь спутника — это всегда неплохо. — Она что-то бормотала себе под нос, загадочно улыбаясь и поглядывая на Хэ Янься с явным любопытством. Сама же Хэ Янься будто ничего не замечала и оставалась невозмутимой.

Когда Хэ Янься объявила Му Цзышань, что та едет с ней в Яньчжоу, та не выказала удивления, лишь равнодушно ответила, что поняла, и, наскоро собрав вещи, последовала за ней. Хэ Янься заявила, что в этот раз они едут налегке, чтобы не привлекать лишнего внимания, и взяла с собой лишь горстку слуг. Впрочем, будучи привычной к роскоши, она всё равно прихватила с собой сундуки с золотом и драгоценностями, а внутреннее убранство кареты превратила в подобие уютной жилой комнаты.

Всю дорогу Хэ Янься и Му Цзышань ехали в одной карете, а слуги следовали за ними в другой. Хотя Му Цзышань находилась рядом, разговаривать с хозяйкой она не желала, на вопросы отвечала сквозь зубы или вовсе игнорировала их. Хэ Янься не настаивала: если Му Цзышань молчала, она просто занималась своими делами — читала или ела, ведя себя так, будто попутчицы и вовсе не существует. Му Цзышань же, изнывая от тягостного присутствия Хэ Янься, однажды попросила позволения пересесть к слугам, чтобы та могла наслаждаться уединением, но Хэ Янься, даже не задумавшись, отрезала: Нельзя. Причину она не объяснила, снова уткнувшись в книгу.

Му Цзышань ненавидела Хэ Янься до глубины души. Если бы не компромат, оказавшийся в руках этой женщины, она бы давно расправилась с ней. А теперь ей приходилось делить с ней карету, что превращало каждую минуту пути в пытку. Му Цзышань пыталась терпеть, но, когда сил не осталось, вновь завела разговор о пересадке. Хэ Янься, как и прежде, коротко бросила: Нельзя, — прервав её на полуслове.

Так повторялось не раз. Хэ Янься неизменно обрубала все попытки, не давая никаких объяснений. Му Цзышань терялась в догадках, что на уме у этой женщины: она не говорит с ней, не смотрит в глаза, но при этом настойчиво держит подле себя.

К вечеру, когда начинало темнеть, Хэ Янься приказывала слугам остановиться в ближайшем

городке. Своё слово она держала: с тех пор как пообещала не трогать Му Цзышань, она вела себя сдержанно, без прежней назойливости. В постоянных дворах Хэ Янься всегда снимала для неё отдельную комнату по соседству, будучи настолько уверенной в своей власти над ней, что даже не ставила охрану, позволяя Му Цзышань свободно передвигаться.

На второй день Му Цзышань встала до рассвета, надеясь успеть занять место в карете слуг, чтобы не видеть ненавистное лицо. Но как только Хэ Янься привела себя в порядок, она просто отодвинула занавеску и велела Му Цзышань выйти. Та отказалась, сухо заметив, что хочет уступить место госпоже, чтобы той было комфортнее, на что Хэ Янься парировала: Неужели ты хочешь, чтобы я вынесла тебя на руках? Му Цзышань пришлось покориться.

На третий день Му Цзышань заявила, что в карете ей нечем заняться и её присутствие лишь раздражает госпожу. Хэ Янься лишь усмехнулась, выудила из стопки книгу и бросила ей на колени. Му Цзышань не поняла намека, пока Хэ Янься, хитро прищурившись, не произнесла: Раз уж тебе нечем заняться, читай мне вслух. Я долго читала и глаза устали. Му Цзышань взглянула на обложку и вспыхнула: это был не классический трактат и не сборник стихов, а постыдный любовный роман.

Хэ Янься, видя, как та застыла от смущения, подгоняла её: Чего же ты медлишь? Читай.

Му Цзышань сжала книгу так, что побелели костяшки пальцев. Она мечтала разорвать эту гадость, но, бросив взгляд на Хэ Янься, увидела, что та вертит в руках белую нефритовую шкатулку — хрупкую, словно лед. Взгляд Хэ Янься красноречиво говорил: сама виновата. Му Цзышань, скрепя сердце, начала читать.

— Страсть не угасла... как же вынести одинокое ложе... — каждое слово давилось в горле, словно удар молота. Хэ Янься же, глядя на пунцовое лицо Му Цзышань, наслаждалась зрелищем, словно самым прекрасным пейзажем в мире. Когда Му Цзышань пыталась остановиться на особо непристойных моментах, Хэ Янься демонстративно касалась шкатулки, принуждая её продолжать. Весь день прошел в чтении, и к вечеру Хэ Янься пребывала в отличном настроении, распивая вино, отчего у Му Цзышань, сидевшей рядом, внутри всё хлопотало от ярости.

На четвертый день Му Цзышань перестала просить о пересадке. Хэ Янься тоже больше не заставляла её читать, погрузившись в свои книги. Му Цзышань не понимала, чего добивается эта женщина, но опасалась, что любая попытка отделиться приведет к новым изощренным издевательствам, поэтому просто закрыла глаза, делая вид, что хозяйки рядом нет.

19. В пути (часть 2)

Спустя несколько дней они покинули Лучжоу и прибыли в Фэнчжоу, один из богатейших округов государства Цзи. Поля здесь колосились, города процветали, улицы были полны народа, а лавки ломились от товаров. Даже равнодушная ко всему Му Цзышань невольно залюбовалась этим великолепием, не уступающим столице.

Заметив интерес Му Цзышань, Хэ Янься ощутила странное торжество. Не спрашивая согласия, она приказала ей выйти на прогулку. Му Цзышань, зная, что спорить бесполезно, молча последовала за ней.

Чтобы не привлекать лишнего внимания, Хэ Янься сменила свой привычный алый наряд на мужское одеяние: длинный халат цвета лунного света, нефритовый пояс и веер из слоновой кости. Она выглядела как утонченный знатный юноша. Му Цзышань же досталось платье из зеленого шелка и изящная серебряная шпилька с красным нефритом.

Они смотрелись как идеальная пара, и прохожие то и дело одаривали их восхищенными взглядами. Му Цзышань чувствовала себя неловко, а Хэ Янься, напротив, наслаждалась всеобщим вниманием, намеренно ведя себя так, чтобы люди принимали их за влюбленных. Владельцы лавок наперебой рассыпались в комплиментах, называя их прекрасной парой, и Хэ Янься щедро одаривала их монетами, скупая всё подряд. Лишь один торговец, назвавший их братом и сестрой, удостоился ледяного взгляда, от которого тут же прикусил язык.

Когда они вышли с шумного рынка, Му Цзышань в ярости спросила, зачем та позволяет людям принимать их за супругов. Хэ Янься лишь загадочно улыбалась, вертя в руках шкатулку.

— Му Цзышань из низкого рода, я недостойна столь благородной госпожи дворца... — произнесла она с ноткой ядовитого презрения, несмотря на формально вежливый тон.

— Ничего, если я того желаю, значит, достойна. — Хэ Янься ослепительно улыбнулась. Её голос, подобный серебряному колокольчику, прозвучал так естественно, что Му Цзышань на миг опешила. Кто бы мог подумать, что эта нежная женщина — та самая жестокая Хэ Янься?

— Или, может, ты считаешь, что я недостойна тебя? — Хэ Янься приблизилась, и её теплое дыхание коснулось кожи Му Цзышань. Та покраснела, но в глазах читалась лишь ненависть. Хэ Янься видела это, но не злилась, лишь сильнее желая обнять эту строптивую красавицу.

— Госпожа, разумеется, достойна, но я не смею принять такую милость, — холодно ответила Му Цзышань, опустив взгляд. Хэ Янься лишь фыркнула и отвернулась.

Остаток дня Хэ Янься была в дурном расположении духа. Она хмурилась, а когда кто-то вновь принимал их за пару, в ней вспыхивал гнев. В конце концов, она в сердцах разнесла прилавок одного чересчур разговорчивого торговца, бросив ему серебро в качестве компенсации.

К вечеру, когда они возвращались в постоянный двор, Хэ Янься внезапно остановилась и гневно уставилась на невозмутимую Му Цзышань.

— И что с того, что они считают нас супругами? — наконец спросила она, не в силах больше

сдерживаться. — Ты от этого умрешь? Или обеднеешь? Почему ты вечно идешь мне наперекор? Мы обе женщины, нам всё равно не суждено быть вместе, так почему бы просто не позволить им говорить?

Её голос дрожал от детской обиды, совсем не соответствуя образу расчетливой главы Демонической секты. Му Цзышань была ошеломлена.

— Действительно... ничего не случится, — тихо ответила она, опуская глаза. — Просто... я этого не хочу.

Хэ Янься ничего не ответила, лишь со всей силы ударила ладонью по стене рядом, пробив в ней дыру.

20. В пути (часть 3)

Вернувшись, Хэ Янься была мрачнее тучи. Она молча поужинала и ушла к себе. Как и прежде, она сняла для Му Цзышань отдельную комнату, сдерживая данное обещание не переходить границы.

Лежа в постели, Хэ Янься ворочалась, не в силах уснуть из-за ссоры. Ночной ветерок принес аромат цветов, и в полудреме ей почудилось, будто кто-то нежно касается её волос. Воспоминания нахлынули волной: тонкая рука, ведущая её по садовой дорожке, запах жасмина, вкус любимого пирожного с османтусом, и эта мягкая улыбка, дарующая покой...

Ей казалось, что та женщина подошла к кровати. Хэ Янься хотела ухватиться за неё, но рука, словно налитая свинцом, не слушалась.

Не поднять руки... не удержать её...

<http://bllate.org/book/20982/2130321>